

ВСЕГДА В ПУТИ

Когда собираешься писать об актере — давно сложившемся мастере, широко проявившем себя в щедрой разнохарактерности человеческих судеб, прожитых им на сцене, — то стремишься найти наиболее точное определение главенствующего свойства его таланта, его творческого облика.

Для всей — уже полувековой — жизни в искусстве народного артиста СССР Михаила Ивановича Царева, пожалуй, самым примечательным было и остается активное неприятие покоя, постоянное, не оставшее и в семидесят лет стремление к еще неизведанному, неоткрытыму, неиспробованному. Какие только пути-дороги не прошел со своими сценическими героями умудренный житейским и художественным опытом артист, но они так и не привели его, эти пути-дороги, в покойную гавань отдохновения. Художник остается художником, пока живет в нем нестареющая страсть первооткрывателя, пока зовут его вперед новые дали...

...На сцену советского театра Михаил Царев пришел с Чацким. То была не первая, но главная, или, как говорили в старину, «коронная», его роль. На многие годы грибоедовский Чацкий стал самым близким спутником его актерской жизни. Они — Чацкий и Царев — были вместе еще в далекие двадцатые годы на петроградской сцене: сначала в Василеостровском театре, а потом и в знаменитом Александрике — нынешнем Ленинградском театре драмы имени Пушкина. В тридцатых годах они встретились снова в мейерхольдовской постановке «Горе от ума». Вдохновенный их союз продолжался и дальше, в сороковые годы, уже на сцене Малого театра. Только через тридцать с лишним лет, в 1954 году, расстался артист с дорогим его сердцу героем.

В роли Чацкого надолго определилось направление сценических исканий Михаила Царева. То было направление героико-романтического театра, горячо отзывающегося на требования времени. В нем-то и раскрылись в полную силу художественное своеобразие самобытной натуры пытливого мастера, гражданская темперамент его творчества.

Вспоминая былое, Царев рассказывал, что в его Чацком кому-то виделся иной раз запальчивый, беспокойный комсомольский характер. Столкнувшись с неожиданное восприятие героя классической драматургии не смущало исполнителя роли. Он, конечно же, и не думал переселять Чацкого в иную историческую эпоху. Ему лишь хотелось, чтобы пришедший в театр молодой современник через рубежи времен дружески протягивал руку далекому своему ровеснику: благородному молодому человеку минувшего столетия — гражданину, патриоту, гуманисту, который разделял близкие ему чаяния декабристов.

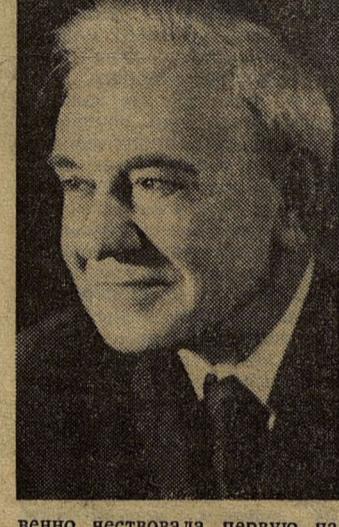
В главной своей роли Царев показал себя убежденным приверженцем прогрессивных, демократических традиций сценического реализма, прославивших русский театр. В русле этих нестареющих традиций и сложилась личность глубоко современного артиста, закалилась в нем на всю жизнь чувство вечной новизны и современности искусства жизненной правды. То чувство, которое не старит художника, не гасит пламени его вдохновения.

Десятки ролей сыграны Михаилом Царевым. Многие из них, при всей несложности, входят, условно говоря, в круг Чацкого. Это шиллеровский Фердинанд из «Коварства и любви». Это Жадов и Незнамов из пьес А. Островского «Доходное место» и «Без вины виноватые»... Выход из привычного круга Чацкого в круг иных ролей, непривычных еще для артиста характеров

был обозначен ролью Глумова («На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского). Это произошло уже в зрелые годы, на сцене Малого театра, куда Царев попал не сразу — на семидесятом году своей актерской биографии.

И все же не случайным, а скорее закономерным был для него приход в старейший русский театр — в Дом Шепкина, в Дом Островского. Он шел к нему много лет, чтобы, обогатившись сценическим опытом, по праву занять потом достойное место в ряду знаменитых его мастеров.

На верное служение лучшим заветам русской сцены одаренного юношу благословила великая Ермолова. В тот майский день 1920 года, когда театральная Москва торжественно

венно чествовала первую народную артистку республики, приехавший на ее юбилей из Петрограда Юрий Михайлович Юрьев — звезда александрийской сцены — привел к Ермоловой своего ученика — студента Школы русской драмы Михаила Царева...

До прихода в Малый артиста знал уже не один театр — в Петрограде, в провинции, Москве. Когда Царев отозвался на неожиданное для него приглашение Мейерхольда, учитель сказал своему ученику, что в молодости полезно пройти через все, познать разные грани искусства. А когда Михаил Иванович вошел в Дом Шепкина, Юрьев уже по-другому напутствовал любимого воспитанника:

— Это навсегда, это бесповоротно, что бы там ни было, ни при каких обстоятельствах из Малого не уходить!

До поры до времени Царев оставался в Малом театре актером романтической школы. Потом с роли Егора Глумова перед ним все заманчивей и шире открылось неоглядное поле новых исканий, интересных творческих возможностей и проб. Встречи с персонажами Островского, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова все больше обогащали палитру артиста.

Он великолепно сознавал, что движению жизни должно сопутствовать и движение искусства. Неостывающая с годами страсть исканий приводила чаще всего к последствиям и результатам счастливым. И не только к счастливым, а и к удивительным, неожиданным. Мог ли подумать, скажем, Всеволод Вишневский, что тот самый Царев, который выступал некогда в «салонной» роли Армана Дюvalя в мейерхольдовской постановке «Дамы с камелиями», появится когда-то на сцене в облике его Вожака из «Оптимистической трагедии»?

А Царев вот появился, появился, казалось, вопреки всему, в совершенно несвойственной ему роли. Но художник, обладающий мудростью и гражданственностью таланта, в конечном счете сам решает, что ему свойственно и что не свойственно. И артист сумел убедить, что Вожак — это его роль. Он нашел для нее свою меру жизненной, художественной достоверности, открыл

неожиданные возможности сценического истолкования не-простого характера Вожака. Артистом тонкого социального слуха точно было угадано не-приглядное существо этого анархиста-контрреволюционера, пытавшегося вести по гибельному пути революционный матросский полк. На сцену вышел изрядно потрепанный жизнью, озлобленный, духовно опустошенный человек, в котором уживались анархист и эсер, оголтелый демагог, пошлик и позер, жалкий интеллигентишко-слизняк в черном матросском бушлате и пенсне, мечтавший, поди, в лаврах Бонапарта, не меньше.

За Вожаком также неожиданно последовала заглавная роль в горьковском «Старике». В смиренном и благостном по виду «божьем страннике» с беспощадной правдой и силой отличает артист подлую душу человека-коневинистика, снедаемого испупленной, садистской жаждой мести людям за перенесенные им страдания. Против ненавистной Горькому «философии страдания», «философии мести» артист выступает с силой гневного осуждения. В своем исполнении он выявляет прямотаки шекспировские масштабы роли Старика.

Михаилу Цареву не свойственна бескрылость актерского самоповторения. С каждой новой ролью что-то новое входит в его искусство. В Маттиасе Клаузене («Перед заходом солнца» Г. Гауптмана) он захвачен глубиной философского, социального постижения трагической судьбы духовно сломленного человека, горестно сознавшего бесцельность прожитой им жизни в жестоком и лицемерном обществе бесправия, поправшем идеалы гуманизма, ни во что не ставящем достоинство, честь и ценность личности...

Даже тогда, когда выходит Царев на эстраду с чтением классических стихов, знакомых каждому еще со школьных лет, слушателя захватывают неожиданность и свежесть актерской мысли. Вот он читает, к примеру, лермонтовское стихотворение «И скучно, и грустно», и ты словно впервые слышишь эту страстную гражданскую исповедь вольнолюбивого поэта, впервые открываешь для себя богатство нравственного, социального содержания, выраженного всего лишь в двенадцати строках чудесного лирико-философского шедевра молодого Лермонтова.

На сцену и на эстраду Царев выходит глубоко мыслящим артистом, в совершенстве владеющим богатейшей выразительностью русского слова, высоким мастерством сценической речи. Мастерство это для него означает непреложное начало демократичности, идейности искусства театра.

Счастливо сложилась актерская судьба Михаила Царева. Ему есть что сказать своему современному со спектаклем, со страниц газеты или журнала. Неубывающая энергия бодрой, активной жизнедеятельности заявляет о себе и в творчестве, и в жизни, и в многогранных общественных делах и обязанностях Царева.

Актер-коммунист творческим трудом своим заслужил большое уважение и большое доверие. О высокой мере этого уважения, доверия и признания много скажут памятные страницы жизни артиста: он был делегатом XXI, XXII, XXIII, XXIV съездов КПСС...

Энергия таланта Михаила Царева настолько молода и неисчерпаема, что и в празднике своего семидесятилетия он обращен не в день вчерашний, а в день завтрашний. Художник по-прежнему в пути. Его ждут незаконченные дела, новые роли и новые спектакли. И впереди у него труд, труд и труд, который принесет ему радость и счастье новых сценических открытий, новых художественных постижений.

Н. АБАЛКИН.

30
НОЯБРЬ 1972

М Р А В І